

Н. Ш. Козаев

ИЗМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматривается взаимосвязь уголовной политики государства и современных производственных технологий, сущность которых сегодня определяется таким феноменом, как научно-технический прогресс и связанные с ним риски причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам. В частности, указывается на возможность наступления чрезвычайных ситуаций при рачительном хозяйствовании, террористических угроз, техногенных и природных катастроф на объектах производственной и коммунальной инфраструктуры. Отмечается, что сегодня отечественное уголовное право создает эффективные механизмы защиты, имеющие в большинстве своем превентивное значение. Вместе с тем, учитывая значимость и в то же время потенциальную опасность производственных объектов, необходимо подвергнуть ревизии довольно обширный блок норм Особенной части УК РФ, касающихся соблюдения определенных правил и стандартов, направленных на обеспечение безопасности. И с этой целью предлагается формирование большего количества составов создания опасности наступления вреда.

Ключевые слова: уголовная политика, производственные технологии, научно-технический прогресс, уголовная ответственность.

N. S. Kozhev

CHANGES IN THE CRIMINAL POLICY AS A RESULT OF PRODUCTION TECHNOLOGIES DEVELOPMENT

The article discusses the relationship between criminal policy of the state and modern production technologies, the essence of which is now a phenomenon such as technological progress and the associated risks of harm protected by criminal law interests. In particular, the possibility of occurrence of emergency situations with prudent economic management, terrorist threats, natural and manmade disasters on the objects of industrial and municipal infrastructure. It is noted that today domestic criminal law creates effective protection mechanisms, with the majority of the preventive value. However, given the significance and at the same time, the potential danger of the production facilities need to be reviewed quite a vast array of norms of the Special part of the criminal code of the Russian Federation on compliance with certain rules and standards in the field, aimed at ensuring security and to this end proposed the formation of a larger number of structures create a danger of occurrence of harm.

Keywords: criminal policy, production technology, scientific and technical progress, criminal responsibility.

Уголовная политика выступает индикатором диспропорций в развитии общественных отношений. Это обусловлено тем, что мониторинг наиболее значимых тенденций и своевременное реагирование на них является ее основной задачей.

Производственные технологии дали начало индустриальной эпохе, и по сей день они во многом определяют не только экономическую, но и социальную и политическую сферы жизни общества. Поэтому проблемы технизации являются одними из наиболее актуальных для

общественного, в том числе и правового сознания, требуют выработки как среднесрочной, так и долгосрочной стратегии развития законодательства.

Производственные технологии определили саму сущность и появление такого феномена, как научно-технический прогресс, который, в свою очередь, проявил себя в качестве одного из мощнейших факторов развития общества. Однако в своем стремлении к удовлетворению материальных и духовных потребностей всех слоев населения посредством достижений науки и

техники мировое сообщество вместе с тем обеспокоено возникающими угрозами правам человека и его основным свободам, а также охраняемым законом благам отдельных групп людей и человечества в целом, что нашло отражение в международных актах [1].

Для отечественной науки и практики насущной является проблема переоценки современного состояния уголовной политики, в основе которой на текущем этапе развития общественных отношений и научно-технического прогресса должна лежать концепция обеспечения безопасности личности, государства, социума.

Сегодня как непререкаемый постулат выглядит тезис о том, что высокорисковые технологии, такие как ядерные, транспортные, промышленные, объединяемые единым термином «производственные технологии», должны иметь надлежащую уголовно-правовую защиту с дифференциацией ответственности за создание угрозы и за реальное наступление неблагоприятных последствий. Пока же это условие уголовным законом выполняется не в полном объеме. Складывается впечатление, что при конструировании составов соответствующих преступлений нет единого подхода к оценке реально наступивших (материальных) последствий и создания угрозы или поставления в опасность причинения вреда охраняемых законом благ и интересов. Устранение данного законодательно-технического порока действующего закона потребовало бы пересмотра солидного количества норм, а это серьезная законопроектная работа, предполагающая привлечение специалистов не только в области права, но и в различных производственных отраслях.

Ввиду прямой корреляции современных производственных технологий с совершением преступлений, связанных с источниками повышенной опасности, одним из приоритетных направлений уголовной политики считаем обеспечение экологического правопорядка, который не может быть обеспечен без использования публично-правовых средств воздействия.

Следует помнить, что, имея своим объектом благоприятную окружающую среду, экологический правопорядок в конечном итоге замыкается на витальные проблемы, т. е. проблемы обеспечения нормальных условий для существования человека и окружающей его глобальной экосистемы. Силловые, репрессивные методы реагирования

уголовного права на серьезные правонарушения в результате эксплуатации источников повышенной опасности и усиление элемента кары представляются единственно эффективными. В силу отраслевой специфики уголовное право не располагает позитивными методами в этом отношении, присущими другим отраслям, такими как экономическое стимулирование, налоговые льготы и т. д. Представляется также, что в контексте экологических проблем сложно говорить и о формировании в уголовном законе каких-либо поощрительных норм, связанных, к примеру, с постпреступным поведением индивида. В связи с этим посмотрим, какие изменения произошли в уголовном законе в последнее время.

Нас заинтересовало введение в Уголовный кодекс РФ ст. 2172, предусматривающей ответственность за заведомо ложное заключение экспертизы промышленной безопасности [2]. Согласно ФЗ от 21.07.1997 № 116-ФЗ в редакции от 02.07.2013 [3] последнее определено как состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий. Важной гарантией этого выступает экспертиза, проводимая в целях установления соответствия материалов и технических устройств, зданий и сооружений на опасных производственных объектах требованиям безопасности. Неслучайно придается столь большое значение достоверности сведений, содержащихся в экспертном заключении, возводится в ранг уголовно-правового запрета формирование выводов, не соответствующих фактическому состоянию объектов, представленных на экспертизу, либо вообще без проведения указанной экспертизы. Используя бланкетный прием, законодатель отсылает нас к специальному законодательству, где раскрыт соответствующий терминологический аппарат [3]. Следует отметить, что вновь введенная норма выглядит, по нашему мнению, безупречно с точки зрения законодательной техники и дифференциации ответственности, о чем упоминалось выше. В качестве базового состава здесь предусмотрено создание реальной опасности наступления смерти человека или причинения крупного ущерба, а кроме того, квалифицированный и особо квалифицированный составы, где предусмотрены санкции за реальное наступление материальных последствий. В связи с этим имеет место плавное повышение объема ответственности. Считаем, что данная схема

конструирования составов преступлений, связанных с эксплуатацией источников повышенной опасности, может быть взята за образец, что послужило бы целям унификации подходов к правовой оценке достаточного большого количества уголовно наказуемых деяний, при совершении которых нарушаются требования производственной безопасности.

Продолжая анализ вновь введенной статьи УК РФ, следует отметить ее антикоррупционный потенциал. Это представляется актуальным в свете развернутых в последние годы мероприятий по предотвращению использования современных технологий государственными и хозяйствующими структурами в целях ограничения прав и свобод человека, а также вопреки интересам всего общества, а равно и обеспечению контрольно-надзорной деятельности в этой сфере. Для примера, проанализировав ситуацию с выявленными и раскрытыми экологическими преступлениями за три последних года (2011—2013 гг.), также изучив структуру преступности данного вида и личностные характеристики преступников (нас интересовал социальный статус), мы пришли к выводу, что со значительным перевесом преобладают деяния, предусмотренные ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча водных животных и растений» и ст. 260 УК РФ «Незаконная порубка деревьев и кустарников». Среди лиц, их совершивших, преобладают субъекты без постоянного источника доходов. Однако этот вроде бы очевидный вывод может быть поколеблен гипотезой о том, что деяния данных лиц проще выявлять и раскрывать, чем деяния лиц, обладающих более высоким социальным статусом. Именно этот круг лиц и остается в тени. Наша гипотеза и предыдущие выводы подтверждаются и исследованиями других ученых. Так, В. В. Астанин, опросив работников природоохранных структур в 23 субъектах Российской Федерации, получил следующие оценки экспертов: более трети совершаемых экологических преступлений связаны с коррупционными проявлениями; наиболее тесная связь экологической преступности прослеживается с «беловоротничковой» преступностью, включающей экономическую и должностную [4, с. 127]. Отметим, что указанные отдельные проявления уголовно-противоправной активности, имея коррупционную подоплеку, в большинстве своем остаются незамеченными, в том числе и благодаря несовершенству закона. Как справедливо отмечает вышеуказанный автор,

«узаконенные» проявления коррупции нередко возникают в сфере регулирования контрольных, разрешительных, юрисдикционных, регистрационных полномочий государственных служащих во взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами [4, с. 128].

Закрытость, в силу коррупционной завесы преступности, связанной с производственными процессами и ресурсозаготовительной деятельностью, не позволяет эффективно применять методики противодействия криминальным явлениям. Отсюда одним из ведущих факторов борьбы с ней выступает элиминация коррупционных факторов. Положительные подвижки в этом направлении уже есть, но не в плане снижения показателей коррупции, а в смысле более эффективного выявления таких фактов и привлечения виновных лиц к ответственности. Так, по словам Генерального прокурора РФ Ю. Чайки, правоохранительные органы постепенно стали переходить от борьбы с мелкими проявлениями коррупции к противодействию более опасным для общества ее проявлениям. Он отметил, что «количество установленных коррупционных преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере, выросло за год почти вдвое и составило более 5 тысяч», существенно активизировалась работа по выявлению системных коррупционных преступлений, совершаемых высокопоставленными чиновниками. В качестве примера им приведен факт пресечения преступной деятельности руководителя Управления экологического контроля Росприроднадзора, получившего незаконное денежное вознаграждение в размере 3,5 млн рублей за организацию фиктивной проверки акционерного общества и 11,8 млн за минимизацию штрафных санкций по результатам этой проверки [5].

Научно-технический прогресс сегодня невозможно представить без развития топливно-энергетического комплекса. Определенные риски заключают в себе и сами технологии, применяемые в его недрах. Но особую обеспокоенность вызывает то, что подобные объекты становятся предметом интереса террористических организаций. В связи с этим в принятом в 2011 г. ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» [6] сделан акцент на вопросах антитеррористической защищенности, таких как: состояние инженерно-технических средств защиты, информационной

безопасности энергообъектов, а также подготовки обслуживающего персонала.

Данные вопросы все чаще становятся предметом обсуждений на конференциях и симпозиумах. Так, к примеру, в 2013 г. в Москве проходила II Всероссийская конференция «Безопасность объектов топливно-энергетического комплекса». И хотя проблема антитеррористической защищенности была озвучена лишь как одна из многих других, выступления участников показали весьма интересными в криминологическом отношении. В частности, отмечалось, что территории рядом с некоторыми объектами ТЭК активно застраиваются жилыми домами, что может повысить интерес террористов в плане причинения большего количества жертв при совершении террористического акта или диверсии; вблизи гидротехнических сооружений, например плотин, расположены объекты транспортной инфраструктуры, что не позволяет обеспечить безопасность. Одной из насущных проблем является уязвимость компьютерных баз данных энергетических компаний, о чем свидетельствуют участвовавшие хакерские атаки на них.

Кроме того, среди причин недостаточного уровня безопасности ТЭК отмечены значительные пробелы в законодательстве. Так, около 10 лет назад Россия ратифицировала Римскую конвенцию, где в качестве правового механизма защиты объектов, находящихся на континентальном шельфе, указаны изменения в национальном законодательстве, однако они до сих пор так и не внесены. Еще один пример — в ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» [7] предусмотрена ответственность за нарушение границ охраняемой зоны безопасности на расстоянии 500 м вокруг объектов, размещенных на континентальном шельфе. Но вместе с тем не определен государственный орган, имеющий полномочия установить такую зону.

Уголовный закон не остался в стороне от данных проблем и в 2011 г. пополнился ст. 2171 [8], предусматривающей ответственность за нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса. Следует одобрить указанные изменения. Однако то, что основной состав сконструирован как материальный, вызывает у нас сомнения в достаточности превентивного потенциала данной

нормы. Считаем, что этот дефект следовало бы устранить путем формирования состава создания опасности наступления вреда в виде тяжкого вреда здоровью либо смерти человека или крупного ущерба. Кроме того, представляется, что альтернативная санкция, предлагаемая в части первой рассматриваемой статьи, более подходит для предлагаемого нами варианта основного состава. По нашему мнению, выглядит неуместным назначение штрафа в случаях, когда причиняется, пусть даже и по неосторожности, реальный тяжкий вред здоровью человека. Санкция в этом случае должна быть более ощутимой.

Подведем некоторые итоги сказанному. Производственные технологии в любом их проявлении предполагают определенный риск причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Даже при рачительном хозяйствовании может сложиться чрезвычайная ситуация, связанная с террористическими угрозами, техногенными и природными катастрофами на соседних объектах производственной и коммунальной инфраструктуры. Отсюда уголовное право создает механизмы защиты, имеющие в большинстве своем превентивное значение. Однако, учитывая значимость и в то же время потенциальную опасность производственных объектов, считаем необходимым подвергнуть ревизии довольно большой блок норм, касающихся соблюдения определенных правил и стандартов в данной сфере, направленных на обеспечение безопасности. В этих целях считаем уместным формирование большего количества составов создания опасности наступления вреда, как это сделано, к примеру, в ст. 2172 УК РФ, нормы которой к тому же обладают антикоррупционным потенциалом, что также весьма актуально.

Список библиографических ссылок

1. Декларация об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества. Принята резолюцией 3384 (XXX) Генеральной ассамблеи от 10 ноября 1975 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/science.shtml (дата обращения: 13.05.2014).

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части проведения экспертизы промышленной безопасности и уточнения отдельных полномочий органов государственного надзора при производстве по делам об административных правонарушениях: федер. закон от 02.07.2013 № 186-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3478.

3. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: федер. закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.

4. Астанин В. В. Взаимосвязь коррупционных проявлений и экологических преступлений: проблемы детерминации, латентности и уголовной репрессии // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 128.

5. Чайка Ю. Число выявленных преступлений не отражает уровень реальной коррупции // Рос. газ. 2013. 29 апр.

6. О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: федер. закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4604.

7. О континентальном шельфе Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ (ред. от 03.02.2014) // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4694.

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: федер. закон от 21.07.2011 № 257-ФЗ (ред. от 21.10.2013) // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4605.

© Козаев Н. Ш., 2015